

Вячеслав Викторович МАЛЕНКОВ¹

УДК 316.3

**ВЕКТОРЫ БУДУЩЕГО
В ТЕМПОРАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ
РОССИЙСКОЙ НАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ
В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ¹**

¹ кандидат социологических наук,
доцент кафедры туризма,
Тюменский государственный институт культуры
vvmalenkov@gmail.com

Аннотация

В статье констатируется наступление нового этапа в строительстве российской нации, характеризующегося усилением влияния традиционалистской (консервативной) социокультурной программы и преобладанием административно-мобилизационных механизмов в институциональном строительстве нации. Важнейшими элементами, выступающими в качестве фундамента данного процесса, являются концепты великодержавности и особого пути. Основной инструмент консолидации — продуцирование негативной идентичности, основанной на поиске врагов (внешних и внутренних) и борьбе с ними. Все это является базой для формирования несбалансированной темпоральной конструкции нации с гипертрофированным акцентом на прошлое и недостаточным вниманием к будущему.

В эмпирической части статьи представлены результаты социологического исследования, посвященного восприятию будущего и желаемым моделям развития российской нации среди представителей тюменской молодежи. Сбор данных осуществлялся

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежью».

Цитирование: Маленков В. В. Векторы будущего в темпоральной конструкции российской нации и их отражение в сознании молодежи / В. В. Маленков // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2, № 4. С. 64-75.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-64-75

в феврале-марте 2016 г. методом фокус-групп. Базовые представления о будущем страны вполне стереотипны и соответствуют сюжетам, транслируемым в большинстве каналов коммуникации. В частности, наблюдается отчетливое преобладание традиционалистских ориентаций, проявление синдрома постимперского травмированного сознания, поддержка «поворота на восток» как вектора развития страны и т. д.

Ключевые слова

Нация, нациестроительство, темпоральная конструкция нации, образ будущего, административно-мобилизационный механизм.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-64-75

Процесс строительства российской нации далеко не завершен: в последнее время он активизировался и приобрел вполне отчетливые формы. В частности, актуализировался дискурс, касающийся темпоральной конструкции формируемой в России нации. Нацией принято считать сообщество граждан, объединенных общей национальной историей и памятью. Так, Б. Андерсон рассматривал память как важнейший механизм складывания нации в форме «воображаемого сообщества» [1], а Э. Хобсбаум ввел для обозначения данного механизма термин «изобретение традиций» [11]. «Национальное сознание народа сгущается в “воображаемые общности” (Андерсон), подготавливаемые в ходе национальной истории, которые становятся центрами кристаллизации новой коллективной самоидентификации» [10, с. 205].

Роль коллективной, социально-культурной памяти в конституировании нации, безусловно, очень велика. Вместе с тем нация может в полной мере состояться лишь тогда, когда она имеет некую стратегию движения в будущее. Общность людей, объединенных гражданской идентичностью, вырабатывает проект будущего, т. е. национализует будущее, идентифицируется с ним и сообщество идет к его достижению. Таким образом, производство и воспроизводство нации — это процесс не только коллективного воспоминания (в том числе «изобретающего воспоминания» по Реннеру [9]), но и социального рефлексирования о будущем, коллективного целеполагания, проектирования будущего, т. е. его национализация.

Именно в области целеполагания в России сейчас наблюдается дефицит. Вместо формирования адекватного современным вызовам образа национального будущего России происходит выстраивание разветвленной системы исторических мифов и несуществующих вызовов, базирующихся на процеживании прошлого, превращении его в избирательную историю «удобного прошлого» [2], проектировании «актуального прошлого» в форме официального исторического нарратива [8]. Данные мифы затем экстраполируются в некие квазимодели будущего, которые скорее воспроизводят мифическое, «изобретенное» прошлое, нежели конструируют будущее. Б. Дубин выделял два типа конструируемого будущего — «будущее как продолжение “такого же”, т. е. инерция, и будущее как сфера решения проблем прошлого» [6, с. 503].

Выстраивание политики будущего зависит от типа нации. Руководствуясь критерием, который можно обозначить как особенности институциональной организации нации, можно выделить ее вертикальный и горизонтальный типы. В вертикальных нациях нарратив о будущем формируется в логике административно-патерналистского механизма. Национальный образ будущего формулируется по заказу правящих элит, затем он виртуализируется, через каналы пропаганды транслируется членам сообщества. Этого обычно хватает для поддержания стабильного «духовного фона», обеспечения консолидации членов нации вокруг тех или иных идей. Для устойчивости такого образа создаются разъяснительно-воспитательные структуры, призванные транслировать смысл и предназначение предлагаемых идей, особенно для новых поколений.

Механизм определения будущего в вертикальной нации характеризуется тремя основными признаками:

- 1) трендовый подход к формулированию целей, которые носят в основном имитационный характер. Основной критерий их отбора — потенциал мобилизации. Тактика пользуется приоритетом перед стратегией, поэтому цели меняются достаточно часто, и их смена происходит в момент, когда предыдущие цели теряют свою мобилизующую и консолидирующую силу;
- 2) патримониализм. По факту патримониальное правление предполагает, что будущее политического режима, заточенного под конкретного лидера, важнее, чем будущее нации. Но при этом последнее в официальной пропаганде представляется зависимым от судьбы лидера. Целевую (но не вполне стратегическую) повестку формулирует узкий круг людей, приближенных к лидеру. Если идея, направленная в будущее, выработана за пределами этого круга, то шанс ее включения в официальный образ будущего зависит от решения «высокого руководства», что предполагает сложную процедуру аккредитации;
- 3) консолидация, основанная на негативной идентичности, фундаментом которой является поиск и назначение кого-либо (конкретных людей, их группы, страны) на роль врага.

Характеризуя горизонтальную нацию, также отметим три базовых ее признака:

- 1) долгосрочный характер целей, которые имеют фундаментальный характер, определяющий стратегию движения нации в том или ином направлении;
- 2) целеполагание ориентировано на всех граждан и является функцией гражданского общества. Качество формулирования будущего зависит от зрелости горизонтального сообщества, его способности генерировать и выкристаллизовывать продуктивные идеи в процессе дискурса. Лидеры общественного мнения появляются в ходе свободной публичной дискуссии, а не в результате административного назначения на роль «публичных» экспертов;
- 3) основой консолидации является позитивная гражданская идентичность, фундаментом которой служит просвещенная гражданственность.

Еще один важный срез проблемы национализации будущего кроется в выделении двух социокультурных типов нации, основанных на консервативной и либеральной программах. Основой первой являются традиционалистские ценности, из-за чего темпоральная структура нации гипертрофирована прошлым, а будущее мыслится в основном как повторение «хорошего прошлого». В целевых установках строительства нации преобладают державность, концепция особого пути. В либеральной социокультурной программе преобладают ценности прогресса и модернизации, а в основе понимания социального времени — приоритет будущего. Целевой установкой является строительство общегражданской нации, интегрированной в мировое сообщество.

Парадокс постсоветского перехода к либеральной нации в России заключается в том, что он не был представлен в качестве некой целостной модели в социальном целеполагающем пространстве, а также был размыт, т. к. декларировались лишь отдельные его элементы. То, что сейчас называется либеральным (скорее неолиберальным) проектом, реализованным в 90-е гг., представляло в значительной степени экономико-центристскую модель перехода страны от экономики дефицита, общества длинных очередей к развитому потребительскому обществу. Этот проект был реализован, однако гражданская активность снизилась до минимальных размеров. В какой-то степени уровень гражданского самосознания был подавлен гипертрофированным развитием потребительских установок.

Проект консервативной нации, напротив, декларировался и даже несколько раз начинал реализовываться в какой-то части и с разной степенью усилий. Это можно было наблюдать в 90-е гг., когда правящий режим периодически апеллировал к консервативным идеям, чаще для достижения конъюнктурных политических целей. Этот процесс более активно продолжился в 2000-е гг. В более целостном, системном виде традиционалистский проект был запущен примерно в 2012 г., а к 2014-му набрал силу, приобрел качество ключевой парадигмы внутренней и внешней политики и в значительной степени институционализировался. В формулировании образа будущего данный проект тяготеет к внешним вызовам при существенном уменьшении внимания к внутренним проблемам. Внешние вызовы приобретают форму маркирования друзей и врагов нации, и соответственно этому переформулируется вектор развития страны. Это — своего рода ядро сегодняшнего проекта нациестроительства, хотя акценты постоянно, но незначительно меняются.

Установки и представления большей части населения страны вполне соответствуют проводимой политике. Как отмечал Б. Дубин, характеризуя динамику общественного мнения в 2000-е гг., «преобладающая часть населения страны год за годом усиливала ориентацию на символы национального целого, державного престижа, советского прошлого, окрашенного в ностальгически-радужные тона» [7, с. 12]. Подобные выводы делает и ряд других исследователей в этой области [3, 5, 13, 14]. Подтверждают это и результаты, полученные в ходе исследований с участием автора данной статьи [4, 12].

В феврале-марте 2016 г. нами были проведены фокус-группы в рамках исследовательского проекта под руководством проф. В. В. Гаврилюк. В девяти фокус-группах участвовали 62 чел. в возрасте от 18 до 30 лет. Наряду с другими, участникам фокус-групп был задан вопрос: «Наша страна сегодня переживает непростые времена. Как Вы считаете, какой путь развития страны наиболее предпочтителен?»

В ходе дискуссий обозначился следующий спектр позиций, касающихся образа будущего (табл. 1). Модели будущего разделены на две противоположные позиции — маргинальную (не обладающую поддержкой) и превалирующую (наиболее распространенную среди участников фокус-групп). В последнем сегменте обозначились ориентация на восстановление и укрепление авторитета страны, превращение ее в ведущую мировую державу, концепция «особого пути» развития страны и так называемый азиатский вектор развития России. Вместе с тем, участники фокус-групп продемонстрировали негативное отношение к западной модели развития как референтной для России, не видят смысла в заимствованиях моделей развития других стран и готовы жертвовать материальным ради возрождения России как великой державы.

Таблица 1

Векторы будущего

Table 1

The future vectors

Маргинальная позиция	Превалирующая позиция
Ориентация на материальное благополучие	Ориентация на восстановление и укрепление авторитета страны, превращение ее в ведущую мировую державу
Ориентация на модели других стран (Путь заимствований)	Отстаивание собственной национальной модели развития (Особый путь)
Запад как референтная модель	«Поворот на Восток»

Вектор «Великая держава или материальное благополучие»

Во-первых, четко прослеживается тенденция выделения двух моделей: ориентация на материальное благополучие в стране и ориентация на восстановление и укрепление авторитета страны, превращение ее в ведущую мировую державу. Вторая модель в фокус-групповых дискуссиях абсолютно превалировала. Можно выделить три группы ответов в поддержку великодержавной политики.

- 1) Высказывания, которые отводят данной политике значение ключевой цели развития страны: «Укрепление авторитета страны необходимо, конечно, в первую очередь. Авторитет страны, как мне кажется, больше всего влияет на положение молодежи. Если молодежь не будет считать свою страну авторитетом, то страна будет в их глазах смотреться как что-то плохое. Молодежь может угаснуть. Будет стремиться не в своей

- стране учиться и развиваться» (Андрей, программист, 25 лет); «Все-таки отстаивание авторитета должно быть на первом месте. Наша молодежь должна чтить наши традиции» (Елена, банковский служащий, 23 года).
- 2) Довольно часто участники фокус-групп просто констатировали, что великодержавная политика, направленная на восстановление и укрепление авторитета страны, уже достигла своей цели либо скоро достигнет: «Мне кажется, мы не далеки от этого (восстановление и укрепление авторитета страны, превращение в мировую державу), наверное. С сильным характером нашего президента, его веским словом и аргументами, думаю, что это возможно. По крайней мере, то, что мы видим по телевидению, то, что нам показывают, формирует такое впечатление» (Надежда, работник культуры, 27 лет); «Авторитет у страны я думаю, так и так есть. Никто, я думаю, не позарится. Есть, конечно, собачки маленькие, которые лают на такую большую собаку (имеются в виду другие страны, которые на Россию «лают»))» (Илья, администратор автомойки, 23 года); «Доминирование продолжается до сих пор холодной войной с США. Но это не говорит, что нужно быть всеми и вся. Надо просто показывать свою власть, как делает это В. В. Путин. Показать нашу самостоятельность, чтобы все понимали, а не показывать и прыгать выше своего роста. Просто мы есть, мы держава, которую все боятся. Не то, что боятся, а просто не хотят нападать, дабы не сделать себе хуже. Поэтому, я считаю, что правильным будет продвигаться так, как мы сейчас идем. Мы сейчас идем, все равно, в гору, с нашим Владимиром Владимировичем» (Елизавета, визажист, 22 года); «Ведут военные действия и наших солдат, русских, отправляют туда, чтобы плюсы заработать нашему государству. Но на нас, мне кажется, никто не нападет. Потому что если взять всех мафиози, которые есть, все крупные группировки и В. В. Путина, то он, мне кажется, самый опасный, и никто не пойдет на Россию. Т. е. самый влиятельный человек в мире. А нападают на Европу, потому что у них абсолютно другой менталитет. Они могут поплакаться, всех впустить к себе в страну. А если на Россию нападут... Мне кажется, что ни один даже смертник не подумает в России что-то сделать» (Дмитрий, управляющий рестораном, 29 лет).
- 3) Важным аспектом является понимание великой державы. Можно ли отнести к ней Россию? Часть участников фокус-групп обратила внимание на экономический аспект строительства великой державы, а также на бессмысленность наращивания военных расходов с учетом имеющегося ядерного потенциала у России и США: «Из этой всей идеи (строительство великой державы) пока что мы движемся только в военном направлении обновления, улучшения, увеличения финансирования на оборону. Поэтому за 5 лет достигли хороших результатов, если ориентироваться по новостям» (Виктор, предприниматель, 24 года); «Какие-то обстоятельства диктуют развивать военную отрасль? Да нет. На кнопку нажал и все.

Смысл? Это как красная точка мишени» (Сергей, студент, 20 лет); «Враги активизируются сразу» (Анастасия, работник культуры, 29 лет); «Нам нужно дорасти до определенного уровня в экономическом плане, чтобы брать вот это за идею (строительство великой державы). Очень трудно это будет делать с такой слабой экономикой» (Евгения, менеджер турфирмы, 21 год).

Вектор «Свой путь (особый путь) или путь заимствований»

Настроения участников фокус-групп в этом направлении практически единодушны. Точка зрения, что страна должна развиваться по своему особому пути явно превалирует: «Свое, безусловно. Свою модель вырабатывать, свой путь. Своими шагами развиваться» (Сергей, работник автосервиса, 24 года); «Конечно, мне кажется, для каждой страны нужен свой путь, особенно для такой большой страны, как Россия. И как гражданин Российской Федерации, я считаю, что мы не должны смотреть на другие страны и идти по их пути развития» (Константин, предприниматель, 24 года); «Россия не должна делать все под копирку других стран, должна идти по своему пути» (Мария, юрист, 21 год); «Свой путь, наверное, лучше всего. Копирование приводит к тому, что не приживается опыт других у нас» (Николай, охранник, 25 лет); «Вот сейчас нужно от этого (копирования) отходить и формулировать свою программу. Чтоб развиваться более-менее независимо» (Татьяна, преподаватель, 26 лет); «Западную модель мы уже пытались. С азиатскими странами? Это вопрос. С ними мы вряд ли будем на равных. У них свои интересы. И сейчас уже видно, как они на себя одеяло тянут. Будет ли нам это выгодно? Получается свой путь больше всего подходит» (Олег, геолог, 30 лет); «Именно внутри страны нужно делать хорошо, а не равняться там на кого-то, дружить с кем-то» (Леонид, преподаватель вуза, 28 лет).

Были и вполне традиционные высказывания-обоснования невозможности использовать другой опыт в силу исторических особенностей: «Наверное, так исторически сложилось, что Россия идет немножко по-другому пути развития, запаздывает. И пытаться за кем-то гнаться не нужно. Лучше, наверное, постепенно развиваться, идти к цели. Не распыляться» (Елена, администратор, 30 лет). Лишь немногие отметили необходимость использовать опыт других стран, не копируя бездумно, но отбирая только лучшее: «Да. Свой путь лучше всего. Не копировать у других, но смотреть, брать лучшее, адаптировать для нашей жизни» (Антон, студент, 20 лет); «Экономику хотели сделать как в США и Европе. А у нас рыночная экономика как-то не идет. Она есть где-то в чем-то. Но очень многое у нас работает не по рыночным законам. Наверное, свой путь, но надо смотреть на развитые страны, в том числе азиатские» (Вячеслав, ихтиолог, 30 лет).

Вектор «Запад — Восток»

Западная модель, как и следовало ожидать, не входит в число одобряемых путей развития России. Суждения, высказанные в ее адрес, носят в основном негатив-

ный характер. В целом это хорошо согласуется с информационной политикой, реализующейся в основных средствах массовой информации. Негативные высказывания о Европе подчеркивают, что там серьезный кризис и моральное разложение, поэтому использовать западную модель развития нецелесообразно: «Просто смотрите, даже если смотреть новости, сейчас на Западе митинги все время проводятся. Например, потому что повышение платы за учебу произошло. По сути, развития нет у них, на каком-то апокалипсисе остановились и все» (Виктор, студент, 20 лет); «Там, в Европе, уже мусульмане. Гей-парады, трансвеститы и мусульмане» (Алексей, строитель, 29 лет); «Европа же на шаг впереди. Смысл идти по их пути, если все так же будет (плохо)? Зачем?» (Сергей, студент, 20 лет).

Весьма категорично участники фокус-групп высказывали отношение к модели США: «Американская — категорически нет. Вообще нет» (Виктор, студент, 20 лет). Примерно такое мнение относительно данной модели звучало у многих, и все «бурно» с этим соглашались. Кроме основной причины — тотального кризиса на Западе, редко отмечался российский источник невозможности использования западной модели — специфический менталитет русских: «Я думаю, менталитет наш русский не примет никак это (западно-европейскую модель). По крайней мере, в ближайшее время точно, пока пережитки старого времени еще есть у нас в стране. Пока они не покинут это место, такая модель, я думаю, невозможна» (Илья, администратор автомойки, 23 года).

Незначительное число участников дискуссий все-таки отметило приоритет европейской модели и невозможность использования азиатского опыта. Практически во всех высказываниях упоминаются элементы, связанные с высоким качеством жизни на Западе: «А я думаю, свой путь приоритетнее, но если выбирать, то мы ближе к Европе. Азиатский же опыт для нас абсолютно чужд. Меня не впечатляют рассказы про то, как мы должны дружить с Китаем. Мне кажется это не правильно. Это — геополитическая идеология, с экономикой ничего общего не имеющая» (Кирилл, предприниматель, 22 года); «Я тоже очень настороженно воспринимаю геополитические проекты нашего руководства. Надо со всеми дружить. Но жить я бы хотел в европейской стране, где качественная медицина, образование, дороги и т. д.» (Андрей, системный администратор, 25 лет); «А я считаю, что мы должны образ жизни западный копировать прям. Хорошее жилье, качественное питание, отдых и т. д. Я думаю на это надо ориентироваться, а не на то, чтобы выпендриться перед всеми. Мы сильнее, у нас оружие, самолеты ...» (Людмила, юрист, 26 лет).

Азиатский вектор развития России весьма одобряем среди участников фокус-групп: «Вот если брать все эти санкции со всего Запада к России и то, что Россия сейчас плотно сотрудничает с восточными странами — по крайней мере, я знаю, что развитие у нас идет больше к сближению с азиатскими странами» (Надежда, менеджер турфирмы, 24 года); «В любом случае, даже у самых сильных держав должен быть союзник, тот который может поддержать в любом

начинании. Но, наверное, у Китая есть свои интересы» (Евгения, менеджер турфирмы, 21 год).

Помимо констатации необходимости сотрудничества с азиатскими странами, назывались причины этого: «Потому что нам с ними выгодно сотрудничать» (Елена, банковский служащий, 23 года); «Зачем идти по европейскому пути? Мы же видим, что сейчас в Европе. Мы не хотим того же самого в России. Лучше быть ближе к азиатским странам» (Виктор, студент, 20 лет); «В Китае же много людей, они постоянно что-то придумывают. Поэтому и идут вперед, поэтому на их модель и надо ориентироваться» (Ксения, студентка, 19 лет). Есть и весьма показательные мнения: «Китайцы — молодцы, сидели у себя тихо. У них плохо там, чуть ли не по квадратному метру на китайца. Они там бедные сидят, в конвульсиях бьются. А молодцы — взяли, по-тихому создали «Али Экспресс». Все дешево, а они там что-то придумывают. И напроизводили столько всякого» (Анастасия, студентка, 21 год).

Еще одним мотивом выбора азиатской модели участники исследования называли возможность на равных выстраивать сотрудничество: «Я считаю, что лучше идти в тандеме с теми странами, которые не смотрят на нас свысока (как европейские страны). Есть объединение БРИКС. Но там не только азиатские страны, там еще Бразилия как развивающаяся страна» (Светлана, служащая в банке, 28 лет); «Самая нормальная сейчас — это азиатская модель. И вообще у нас все к этому идет. Я считаю, что нам надо туда идти, но боюсь, что Азия нас может поглотить. А нам, как стране с таким имперским прошлым, это будет просто обидно элементарно. Поэтому в идеале хотелось бы, конечно, восстановления державы, но это пока утопично. А вот Азия — вполне возможно. Там еще нет такого влияния Европы» (Марина, работник культуры, 29 лет).

Таким образом, можно сделать вывод, что представления молодежи о будущем российской нации и векторах ее развития в целом соответствуют базовым конструктам превалирующего в средствах массовой информации дискурса. В частности, прослеживается поддержка концепции особого пути, политика восстановления великой державы, поворот во внешней политике к азиатским странам и негативное отношение к западной модели развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева, вступ. ст. С. Баньковской. Москва: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой / А. Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
3. Верховский А. М. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» / А. М. Верховский, Э. А. Паин // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2013. № 4. С. 23-46.

4. Гаврилюк В. В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции / В. В. Гаврилюк, В. В. Маленков // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 3. С. 65-69.
5. Гудков Л. Д. Время и история в сознании россиян (Часть 1) / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 3. С. 84-102.
6. Дубин Б. В. Координата будущего в общественном мнении России / Б. В. Дубин // Пути России. Будущее как культура: Прогнозы, репрезентации, сценарии. Том XVII. Москва: НЛО, 2011. С. 500-513.
7. Дубин Б. В. Символы возврата вместо символов перемен / Б. В. Дубин // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 5. С. 6-22.
8. Малинова О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2015. 207 с.
9. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти / А. Реннер // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. М.: Новое издательство, 2005. С. 436-472.
10. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. Санкт-Петербург: Наука, 2001. 417 с.
11. Хобсбаум Э. Изобретение традиций / Э. Хобсбаум // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47-62.
12. Gavriluk V. V. Between Empire and the Civil Nation: a Vector of Russia in Consciousness of the Russian Province Inhabitants / V. V. Gavriluk, V. V. Malenkov, T. V. Gavriluk, O. L. Sotkov, I. N. Golikov // Global Media Journal. 2016. Vol. 14. Issue 26. Pp. 32-37.
13. Malakhov V. S. Will We Fulfill a "Russian Project" in Russia? / V. S. Malakhov // Russian Social Science Review. 2012. Vol. 53. Issue 1. Pp. 14-31.
14. Umland A. Russia's New "Special Path" After the Orange Revolution (Radical Anti-Westernism and Paratotalitarian Neo-Authoritarianism in 2005-8) / A. Umland // Russian Politics & Law. 2012. Vol. 50. Issue 6. Pp. 19-40.

Vyacheslav V. MALENKOV¹

**VECTORS OF FUTURE IN TEMPORARY STRUCTURES
OF THE RUSSIAN NATION
AND THEIR COMPREHENSION BY THE YOUTH¹**

¹ Cand. Sci. (Soc.), Associate Professor,
Department of Tourism,
Tyumen State Institute of Culture
vvmalenkov@gmail.com

Abstract

The article indicates a new stage of formation of the Russian nation. This stage is characterized by the increasing influence of a traditionalist (conservative) socio-cultural nation building program and the predominance of administrative and mobilization mechanisms in the institutional nation building. The most important basic elements of nation building are the concepts of “greatpowerness” and “special path”. The main instrument of consolidation is the production of a negative identity based on the search of enemies (external and internal) and containment. All this is the base for the formation of an unbalanced temporal structure of the nation with an exaggerated emphasis on the past and inadequate attention to the future. The article presents the results of the sociological study among the youth of Tyumen. The aim of the study was to find out the perception of the future and the desired model of the Russian nation. The method of data collection was the survey of focus groups carried out in February-March 2016. The basic idea of the country’s future is quite stereotyped and it corresponds to the broadcast news items. In particular, there is a clear trend of the dominance of traditionalist orientation, the manifestation of the syndrome of post-imperial traumatized awareness, and the support of the turn “to the east” etc.

¹ This article was prepared with the support of RHF grant no 15-03-00284a “Image of the future in the selection of social mobility algorithm by modern Russian youth”.

Citation: Malenkov V. V. 2016. “Vectors of Future in Temporary Structures of the Russian Nation and Their Comprehension by the Youth”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 2, no 4, pp. 64-75.
DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-64-75

Keywords

Nation, nation building, temporal structure of a nation, image of the future, administrative and mobilization mechanism.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-64-75

REFERENCES

1. Anderson B. 2001. *Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokah i rasprostraneniі nacionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole.
2. Assman A. 2016. *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [The New Memorial Culture of Discontent]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Dubin B. V. 2011. "Koordinata budushhego v obshhestvennom mnenii Rossii" [Future Coordinate of the Public Opinion of Russia]. *Puti Rossii. Budushhee kak kul'tura: Prognozy, reprezentacii, scenario*, vol. 27, pp. 500-513. Moscow: NLO.
4. Dubin B. V. 2011. "Simvolы vozvrata vmesto simvolov peremen" [Symbols of the Past Instead of Symbols of Change]. *Pro et Contra*, vol. 15, no 5, pp. 6-22.
5. Gavriluk V. V. 2016. "Vektory razvitiya Rossii v soznanii zhiteley rossiyskoy provintsii" [Vectors of Russia's Development in the Minds of the Inhabitants of Russian Province]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedeniy. Sociologiya. Ekonomika. Politika*, no 3, pp. 65-69.
6. Gavriluk V. V., Malenkov V. V., Gavriluk T. V., Sotkov O. L., Golikov I. N. 2016. "Between empire and the civil nation: a vector of Russia in consciousness of the Russian province inhabitants". *Global Media Journal*, vol. 14, no 26, pp. 32-37.
7. Gudkov L. D. 2009. "Vremya i istoriya v soznanii rossiyan (Chast' 1)" [Time and History in the Minds of Russians (Part 1)]. *Vestnik obshhestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*, no 3, pp. 84-102.
8. Habermas Yu. 2001. *Vovlechenie drugogo. Ocherki politicheskoy teorii* [Involvement of the Other. Essays in Political Theory]. St. Petersburg: Nauka.
9. Hobsbaum E. 2000. *Izobretenie traditsiy* [The Invention of Tradition]. *Vestnik Evrazii*, no 1, pp. 47-62.
10. Malakhov V. S. 2012. "Will we fulfill a 'Russian Project' in Russia?" *Russian Social Science Review*, vol. 53, no 1, pp. 14-31.
11. Malinova O. Yu. 2015. *Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushhey elity i dilemmy rossiyskoy identichnosti* [Current Past: Symbolic policies of the ruling elite and the dilemma of Russian identity]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya enciklopediya.
12. Renner A. 2005. "Izobretayushhee vospominanie: Russkiy etnos v rossiyskoy nacional'noy pamyati" [The Inventing Remembrance: Russian Ethnicity in Russian National Memory]. In: *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednih let: Antologiya*, pp. 436-472. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
13. Umland A. 2012. "Russia's new 'special path' after the orange revolution (Radical Anti-Westernism and Paratotalitarian Neo-Authoritarianism in 2005-8)". *Russian Politics & Law*, vol. 50, no 6, pp. 19-40.
14. Verkhovsky A. M. 2013. "Civilizacionnyy nacionalizm: rossiyskaya versiya 'osobogo puti'" [Civilization Nationalism: Russian Version of the "Special Path"]. *Politicheskaya konceptologiya: zhurnal metadisciplinarnykh issledovaniy*, no 4, pp. 23-46.